

Кетгут

Поначалу ничто не предвещало
подобного развития событий

Я просто ответила на объявление в «Ветеринарной неделе», предлагающее временную работу на два месяца – август и сентябрь. А потом парень, которого я согласилась подменить, разбился на машине, возвращаясь из отпуска. Хорошо хоть ехал один

Анна ГАВАЛЬДА

Я осталась. А потом даже выкупила дело. С хорошей клиентурой. Нормандцы пусть и прижимисты, но платят всегда.

Нормандцы – они, как и все провинциалы, в своих взглядах консервативны до жути: у них уж коль что заведено, то на века... Ну, а женщина-ветеринар – нет, это не годится! Кормить, доить и дерьмо выгребать – сколько угодно. Но уколы, отел, колики и воспаления – стоит трижды подумать, прежде чем с бабой связываться.

Ну вот они и присматривались. Не один месяц испытывали меня на прочность, но в конце концов признали.

Утром все просто. Я принимаю в кабинете. Основные пациенты в эти часы – кошки и собаки. Приводят их по разным причинам: одного просят усыпить, поскольку животное уж больно мучается, а отец семейства не решает сам сделать укол, другой пес стал «халтурить» на охоте, и надо бы с ним разобраться, третью животинку – но это самый редкий случай – нужно привить (парижская придурь!).

В самом начале хуже всего мне приходилось после обеда. Визиты. Стойло. Хлев. И выжидательно-недоверчивое молчание. Посмотрим, какова она в работе, тогда и определимся. Они и не думали скрывать своих сомнений, а за глаза наверняка надо мной издевались. Да уж, могу себе представить, сколько шуточек было отпущено в мой адрес в кафе и как они там потешались и над моей «наукой», и над стерильными перчатками. В довершение всех бед у меня еще и

фамилия подходящая – Лежаре*. Доктор Лежаре.

Есть над чем посмеяться.

Кончилось тем, что я плюнула на все свои конспекты и теорию и каждый раз просто молча ждала, пока хозяин снизойдет хоть до каких-то объяснений.

И еще купила гантели. Именно благодаря им я все еще здесь.

Если бы сегодня молодой ветеринар, мечтающий о сельской практике, попросил меня дать практический совет (что, конечно, маловероятно после всего, что стряслось), я бы ответила: накачивай мускулы, много мускулов, это главное. Корова весит от пяти до восьми центнеров, лошадь – от семи центнеров до тонн. Вот и вся премудрость.

Представьте себе корову, которая никак не может разродиться. И происходит все это, естественно, в ночи, холод стоит собачий, члев – грязнее не придумаешь, и света почти никакого.

Ну вот.

Корова мучается, крестьянин страдает, корова-то – она ведь его кормилица. Но услуги ветеринара обойдутся ему дороже новорожденного «мяса», так что он еще подумает... Вы говорите:

– Теленок неправильно лежит. Нужно его повернуть – и все пойдет как по маслу.

В хлеву закипает жизнь, и стар и млад спешат присутствовать на бесплатном спектакле. В кои-то веки хоть что-то происходит!

Корову привязывают. Крепко. Чтобы не вздумала лягаться. Вы раздеваетесь до майки и сразу замерзаете. Ищите кран и тщательно трете руки каким-то грязным обмылком. Натягиваете перчатки, длин-

ные – до самых подмышек.левой рукой упираетесь в огромную промежность и – вперед!

Шарите в утробе в поисках теленочка весом эдак в шестьдесят, а то и в семьдесят кило и переворачиваете его. Одной рукой.

Операция удастся не сразу и не быстро, но все-таки удастся. Уже потом, попивая в тепле кальвадос и постепенно приходя в себя, вы с благодарностью вспоминаете свои гантели.

В другой раз переворотом дело не ограничится – придется резать, а операция стоит куда дороже. Хозяин посматривает на вас – и от вашего ответного взгляда зависит, какое решение он примет. Сумеете внушить ему доверие, уверенно махнув рукой в сторону машины, – мол, пойду за инструментами, – он скажет «да».

Если же отводите глаза и всем своим видом демонстрируете желание уйти, ответит «нет».

А еще может случиться, что теленочек помер, не успев появиться на свет, и главное – не повредить корове, так что приходится, надев знаменитую перчатку, резать плод прямо в утробе и извлекать оттуда по кусочкам.

Нельзя сказать, что хорошо себя чувствуешь, возвращаясь домой после подобной «разделки».

Прошло несколько лет, кредит я, конечно, пока не выплатила, но дела идут неплохо.

Когда умер папаша Вильмё, я купила его ферму и слегка ее переоборудовала.

Я кое-кого встретила, но потом он меня бросил. Думаю, дело было в моих ручищах-лапищах.

* Игра слов. По-французски «le jarret!» – скакательный сустав у лошади.